

ПЛАНОВОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В ЧЕЛЯБИНСКУЮ ОБЛАСТЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Н. Лымарев¹, Н. П. Палецких²

¹Объединенный государственный архив Челябинской области, г. Челябинск,
Российская Федерация

²г. Челябинск, Российская Федерация

В статье на материалах Челябинской области впервые в региональной историографии предпринята попытка исследования планового сельскохозяйственного переселения в 1939–1945 гг. Источниковую базу исследования составили преимущественно архивные материалы, отложившиеся в фондах Ф. Р-1142, Ф. П-288, Ф. П-297, хранящихся в Объединенном государственном архиве Челябинской области. В соответствии с гипотезой о советском обществе как обществе мобилизационного типа выработка и реализация модели плановой аграрной миграции населения трактуются авторами как составная часть мобилизационных процессов в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны, а сама модель сельскохозяйственного переселения понимается как деятельность, направленная на обеспечение жизнеспособности и развития советской цивилизации. Тема раскрывается через показ мероприятий государственной политики, колхозной поддержки миграционного поведения крестьян-переселенцев. Изучение нормативно-директивных, делопроизводственных, учетно-статистических документов, эго-материалов позволило установить динамику миграционных потоков по годам, показать проблемы, с которыми столкнулись переселенцы, выявить индивидуальные миграционные траектории. Рассмотрена деятельность властей по организации миграции, удовлетворению нужд переселенцев, вовлечению их в колхозное производство, показана степень «обратничества» мигрантов.

Проведенное исследование позволило сделать главный вывод: инициированное советской властью добровольное плановое сельскохозяйственное переселение было объективно необходимым мероприятием в конкретно-исторических условиях рубежа 1930–1940-х гг. Направление переселенцев в Челябинскую область диктовалось острым дефицитом рабочей силы в южноуральских колхозах. Государство выделило области значительные материально-финансовые средства, предоставило переселенцам и принимающим колхозам серьезные льготы. Возможности оказания помощи вселяемым переселенцам со стороны колхозов были разными и зависели от экономической устойчивости артелей. Миграционное поведение вселяемых также было различным. Большой проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода стало «обратничество». В 1943–1945 гг. осуществлялось доустройство переселенцев довоенного времени.

Ключевые слова: миграции населения, плановое сельскохозяйственное переселение, колхозники-переселенцы, Челябинская область, Великая Отечественная война.

Введение

Активные миграционные процессы в современном мире предопределили интерес научной общественности к причинам, видам, формам, объемам, результатам и последствиям массовых территориальных перемещений населения. Бурное развитие получает миграциология (наука о миграционном движении населения). Миграционная проблематика приобретает все более отчетливую прикладную актуальность и в России, буквально прорываясь не только в бытовую повседневность разных регионов, но и в повестку общественно-политических дебатов и неотложных управленческих решений. Для понимания современных тенденций требуется осмысление исторической ретроспективы, в том числе миграций советской эпохи.

Крупным потоком в трудовых миграциях первой половины XX века явилось плановое переселение крестьянства из малоземельных районов Советского Союза в многоземельные. В 1939–1941 гг.

одним из регионов вселения, обладавшим значительной миграционной емкостью, стала Челябинская область. Целью статьи является анализ конкретно-исторического материала, характеризующего подготовку и проведение аграрного переселения в Челябинскую область периода 1939–1945 гг., выявление сочетания мер государственной политики, колхозной поддержки и миграционного поведения крестьян-переселенцев.

Обзор литературы

Историография миграций в дореволюционной России и в СССР многопланова. В ней присутствуют исследования миграционной политики государства в разных локально-временных рамках, охарактеризованы отдельные миграционные кампании. Не утратили научной значимости многие работы, изданные в 1920–1980-е гг. и рассматривавшие миграционные движения советского периода. Поскольку довольно подробный обзор этой литературы был выполнен В. М. Моисеенко [1, с. 5–35], ограничимся ссылкой на наиболее часто

цитируемую книгу Н. И. Платунова [2], где на солидной источниковой основе освещены направления переселенческой политики и практики советского государства в 1917–1941 гг.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. привычная миграционная проблематика, в том числе история аграрных переселений в СССР, ушла на второй план. На первом плане оказались темы, связанные с принудительными трудовыми миграциями, с «кулацкой ссылкой», с депортацией по этническому признаку и т. д. Отечественным исследователям стали доступны труды зарубежных авторов, поднимавших темы из разряда «белых пятен» истории СССР. В частности, новые трактовки миграционной реальности 1920–1930-х гг. были предложены в главе «Исход» книги Ш. Фицпатрик [3, р. 80–102], позднее вышедшей с другим названием на русском языке [4, с. 96–119], в статье Г. Кесслера о государственном контроле за передвижением населения в Советском Союзе в 1932–1940 гг. [5] и др.

Обострение внимания к миграционным вопросам советской истории проявилось в первом десятилетии XXI века. Исследования выполняются на расширенной источниковой базе, с постановкой до того не акцентированных проблем. Так, предметом изучения Л. В. Зандановой избрано формирование советской переселенческой политики и органов, ее осуществлявших [6]. В статьях М. Л. Бережновой [7] и М. А. Овчаровой [8] внимание сосредоточено на этнических аспектах земледельческих миграций 1930–1940-х гг. Особенности плановых переселений жителей Кировской области рассмотрены в публикации Н. В. и К. А. Чернышевых [9].

В то же время нельзя не заметить, что в совокупности новейших отечественных исследований отсутствуют концептуально значимые труды по интересующей нас теме. Этот недостаток называет О. В. Горбачев [10, 11], опубликовавший развернутую рецензию на книгу американских авторов Л. Сигельбаума и Л. П. Мох [12], которые в центр изучения миграций ставят не государственные институты и их политику, а самих мигрантов.

Нельзя не согласиться с О. В. Горбачевым в том, что работа Сигельбаума и Мох обладает несомненной научной значимостью. Однако для создания обобщающих трудов общероссийского масштаба, по всей видимости, еще нет достаточно систематизированного эмпирического материала, даже на уровне крупного региона. Об этом говорит, в частности, историографическая ситуация по Уралу. Она объемно описана в статье Е. Ю. Баранова [13]. Ученый пришел к выводу, что разработка истории миграций населения на Урале в XX веке отличается фрагментарностью. Не является исключением из этой оценки и тема планового сельскохозяйственного переселения конца 1930-х –

начала 1940-х гг. В работах А. Н. Молощенкова [14], В. П. Мотревича [15, 16, с. 135–136], Г. Е. Корнилова [17], М. С. Каменских [18] затрагивались отдельные аспекты данной темы, но, как правило, в качестве кратких сюжетов. Исследований на материалах Челябинской области выявить не удалось.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием общезначимых принципов и специально-исторических методов научного познания. Основным теоретическим ориентиром для работы стала гипотеза о советском обществе как обществе мобилизационного типа. В соответствии с ней выработка и реализация модели плановой аграрной миграции населения трактуются как составная часть мобилизационных процессов в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны, а сама модель сельскохозяйственного переселения (ее институты, задачи и функции) понимается как деятельность, направленная на обеспечение жизнеспособности и развития советской цивилизации. Авторы исходят из того, что эвристический потенциал избранной гипотезы в преломлении к изучаемой теме не противоречит ни одной из современных теоретико-методологических систем и подразумевает использование разных подходов: институционального, структурно-функционального, факторного, историко-антропологического.

Источниковую базу исследования составили преимущественно архивные материалы. Изучение нормативно-директивных, делопроизводственных, учетно-статистических документов, эго-материалов, выявленных в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области (Ф. Р-1142, Ф. П-288, Ф. П-297), позволило установить динамику миграционных потоков по годам, показать проблемы, с которыми столкнулись переселенцы, выявить индивидуальные миграционные траектории. Рассмотрена деятельность властей по организации миграции, удовлетворению нужд переселенцев, вовлечению их в колхозное производство, показана степень «обратничества» мигрантов.

Результаты и дискуссия

В литературе обосновано положение о том, что особенности исторического пути нашей страны вызвали необходимость сельскохозяйственных переселений. Их целью было наиболее полное использование земельного фонда, рациональное освоение гигантских территорий. В Советской России плановое добровольное аграрное переселение началось после Гражданской войны, прекратилось в связи с коллективизацией, возобновилось в конце 1930-х гг.

Особую роль играл фактор аграрного перенаселения. «Аграрное перенаселение основных сельскохозяйственных районов страны – болезненно опасная проблема России еще конца XIX – начала XX веков, – предупреждал А. В. Чаянов. – Аграр-

ное перенаселение – тот горячий материал, из которого рванула революция 1917 года» [Цит. по: 19, с. 88]. Следствиями перенаселения были более низкий уровень потребления населения в сравнении с восточными районами страны, растущий слой отходников и «мнимых колхозников», самовольная безвозвратная миграция и пр. В этих условиях советское правительство сохраняло историческую преемственность переселенческого движения в восточном направлении, «...всячески поддерживало переселенческие процессы, продолжая политику колонизации Сибири и Дальнего Востока населением Европейской части России» [20, с. 44].

Территория Южного Урала издавна была зоной миграционного приращения. В 30-е гг. в связи с форсированной индустриализацией, выдвигавшей растущий спрос на изъятие трудовых ресурсов из деревни, а также вследствие коллективизации и раскулачивания южноуральская колхозно-совхозная деревня испытывала острую нужду в рабочей силе. Власти Челябинской области еще в 1935 г. обратились к И. В. Сталину и В. М. Молотову с просьбой «...разрешить переселить в колхозы Челябинской обл. 6 тыс. хозяйств колхозников и трудящихся единоличников из других краев и областей Союза». Просьбу аргументировали тем, что в области много целинных и необрабатываемых колхозных пахотоспособных земель. Между тем численность сельского населения с 1930 по 1935 гг. сократилась на 683 тыс. человек. Нагрузка уборочных площадей на одного трудоспособного доходит во многих районах до 14–23 га (при средней по области в 8,1 га). Справиться с ней наличное крестьянство не в состоянии. Подчеркивалось и то, что в колхозах имеется свыше 17 тыс. домов, пустующих более трех лет, и это даст возможность предоставить каждой семье переселенцев отдельный дом [21, с. 170–171]. Запрос области был учтен в плане Всесоюзного переселенческого комитета на 1936 г. А спустя несколько лет Челябинская область в программе планового переселения колхозников 1939–1942 гг. стала главным местом вселения на Урале.

В обстановке усиления мобилизационной готовности общества и укрепления колхозного строя принципиальное значение имело принятие 27 мая 1939 г. постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». В соответствии с пунктом 14 с 1939 г. устанавливался «...для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году». Пункт 15 гласил: «Ввиду того, что колхозные общественные земли не могут сокращаться, а в малоземельных колхозах уже исчерпаны резервы земли для наделения колхозников приусадебными участками по уставным нормам, считать необходимым переселение колхозников из таких колхозов в многоземельные

районы (Поволжье, Омская область, Челябинская область, Алтайский край, Казахстан, Дальний Восток и т. д.)» [22, с. 414]. Для руководства делом переселения было образовано при СНК СССР Переселенческое управление с его органами в союзных республиках, областях и краях.

26 июля 1939 г. принято постановление СНК СССР «О порядке переселения из малоземельных районов в многоземельные районы СССР», 14 сентября утверждена «Временная инструкция о порядке привлечения, отбора и направления сельскохозяйственных переселенцев из малоземельных районов в многоземельные районы СССР и о приеме переселенцев в местах вселения», а также формы личных документов переселенца: анкеты-заявления и переселенческого билета. Плановыми являлись мигранты, имеющие переселенческий билет. Они получали право на льготы, установленные еще 17 ноября 1937 г. Не оформившие надлежащим образом своего отъезда в местах выхода и не получившие переселенческого билета считались неплановыми переселенцами, т. е. не имели права на льготы.

Объявленные условия переселения были привлекательными, льготы для переселенцев и принимающих колхозов существенными. Прежние потоки мигрантов дополнились новой демографической когортой. Она начала прибывать и на Южный Урал. В. П. Мотревич сообщает, что в 1939 г. в Челябинскую область прибыли первые 39 семей переселенцев [15, с. 32]. Однако статистика по переселению 1939 г. нуждается в уточнении. На это обращает внимание и М. Л. Бережнова: «Первых переселенцев в Сибири приняли еще в 1939 г., но в изученных фондах планов переселений на этот год не обнаружилось» [7, с. 8].

Планы на 1939 г. по Челябинской области нами тоже не выявлены, но в стенограмме доклада зам. председателя Челябинского облисполкома на сессии областного Совета 21 декабря 1940 г. приведены следующие сведения: всего за 1940 г. эшелонами в организованном порядке прибыло 8147 хозяйств, 3200 хозяйств прибыли одиночками, без переселенческих билетов. Кроме того, 6 тысяч хозяйств прибыли в область во внеплановом порядке еще в 1939 г. [23, л. 12, 13]. Возможно, разница в показателях по прибывшим в 1939 г. переселенцам объясняется недоразумениями с разверткой планов. Судя по следующим годам, планы вселения доводились до регионов с задержками и корректировками. Надо делать поправку и на то, что местные руководители переселенческого дела не всегда могли разобраться в спускаемых планах. М. Л. Бережнова замечает: «Иногда дело доходило до курьеза. Челябинская область называлась в официальных документах местом вселения, но в Сибири встречались люди, вполне официально покинувшие ту же Челябинскую область как плановые переселенцы» [7, с. 10].

В 1940 г. Челябинская область должна была принять 15 тыс. хозяйств переселенцев из Украинской и Белорусской ССР, Мордовской и Татарской АССР, Тамбовской, Рязанской, Смоленской, Горьковской областей [24, л. 2; 25, л. 39–40]. Плановый контингент вселения в Челябинскую область на 1941 г. составлял 10 тыс. хозяйств из Украины, Мордовии, Тамбовской и Смоленской областей [26, л. 60]. Выполнение планов начиналось с отбора и оформления потенциальных переселенцев в местах выхода. Для помощи в этой работе командировались ответственные представители принимающей стороны. Они должны были иметь утвержденные покотхозные планы вселения и материалы, характеризующие места вселения (копии годовых отчетов, брошюры, карты, фотоснимки). При их личном участии велась массово-разъяснительная работа о значении и условиях переселения.

Там, где местные власти и приезжие вербовщики работали в тесном контакте и не давали пустых обещаний, результаты агитации были обнадеживающими, и планы переселения выполнялись. Однако во многих отчетах о командировках уполномоченные сетовали на то, что по разным причинам не получалось слаженной и результативной работы. Так, уполномоченный от Шумихинского района за две недели мая 1941 г. провел в Немировском районе Винницкой области Украины совещание районного актива, везде общие собрания колхозников, в районной газете поместил статью с описанием Шумихинского района и три письма от осевших там переселенцев. «Но результаты проведенной работы оказались неважные. Желающих на переселение очень мало, всего оформлено документов только на пять семей», – пишет он и называет причины: колхозники живут хорошо; руководители района заняты исключительно подбором и отправкой рабочей силы из колхозов по разнарядкам в Баку, на дорожное строительство и т. д. [27, л. 40].

Оценивая этап агитации и отбора переселенцев в Челябинскую область, курганский ученый-экономист и публицист А. А. Базаров саркастически замечал: «...выяснилось, что специально созданный для революционно-демографических сдвигов Переселенческий Комитет при СНК СССР много хуже НКВД. Работать с широкими народными массами там совершенно не умели. В области, из которых намечалось выселение, направили разнарядки с обещанием рая на новом месте. Ни сборных пунктов, ни комендатур. Не по советски, скажу двумя словами... Уполномоченных от сельскохозяйственных районов Урала отправили на вербовку колхозников на Украину и в республики Поволжья. У каждого при себе был план набора и эскиз рая. Вербовка без нагана превратилась в сплошной конфуз» [28, с. 487].

Авторы статьи не могут согласиться с такой оценкой и с такой тональностью. Безусловно,

в организации переселения на всех его этапах было много недочетов и ошибок. Но нельзя не заметить другого: оно было добровольным и подкрепленным значительной материальной базой. Государство приняло на свой счет перевозку переселенцев и их имущества. С них полностью снимались все недоимки по сельхозналогу, культушбору, страховым платежам и обязательным поставкам государству сельхозпродукции; вселявшиеся в Челябинскую область освобождались от такого рода платежей и впредь – сроком на 2 года. Им предоставлялась семенная и продовольственная ссуда из расчета 2 % годовых, выдавался долгосрочный кредит на приобретение коров и домашнее обзаведение и т. д.

Условия переселения не закрепощали крестьянина, недаром одной из больших проблем этой кампании явилось «обратничество». У мигрантов имела возможность проявить свободную волю, выстроить «личные стратегии». Об этом говорит факт появления массы самовольных, неплановых переселенцев. Об этом же говорят и нарушения миграционного режима, т. е. определенных государством границ допустимого в поведении переселенцев. В выступлениях районных руководителей на сессии Челябинского облсовета 21 декабря 1940 г. приводились примеры таких нарушений. «У нас прибыло 19 глав семей без семей, они с собой привезли много яблок, которые продали на рынке, получили деньги и уехали» (Багарякский район); «Привезли еще ряд одиночек, которые не имеют совсем семьи и уже на станции начинают такие разговоры, как бы устроиться на производство. При разговоре с ними оказалось, что эти одиночки побывали уже на Дальнем Востоке, на Украине и прибыли в наш Сосновский район»; «К нам в один из колхозов приехало 7 хозяйств переселенцев, а через месяц мы получили с Дальнего Востока на 14 тысяч рублей через Госбанк долгов от старого их переселения... появились просто профессионалы, которые избрали себе переселения профессией» (Еткульский район). [23, л. 106, 109, 113]. Такие индивидуальные траектории миграции, бесспорно, наносили вред как колхозам вселения, так и государству, поскольку означали растративание и колхозных, и государственных средств, которые вряд ли уже можно было разыскать и вернуть, если мигрант выбывал в неизвестном направлении. Безусловно, была и иная линия поведения переселенцев. Многие из них отлично проявили себя на колхозной работе, заслужили уважение окружающих, были выдвинуты на руководящие посты в колхозах и сельских советах.

Переселенческий поток в 1939–1941 гг., несмотря на «конфузы», оказался впечатляюще большим. В сентябре 1940 г. Коллегия Переселенческого Управления при СНК СССР отмечала, что за этот год Челябинский диспетчерский пункт обслужил 280 эшелонов (в том числе транзитных)

с общим контингентом 228 тыс. плановых переселенцев [25, л. 34]. Подчеркивая значение переселения, председатель Челябинского облисполкома М. П. Соболев в 1940 г. говорил: «Работа эта исключительно большого масштаба. Вы представьте себе, товарищи, на один момент, что в этом году нужно было вселить 15 000 семей! Если взять по коэффициенту 3, то это значит 45 тыс. человек. Это нужно целый город построить, нужно израсходовать до 70 миллионов рублей средств...» [23, л. 173]. В 1940 г. в область прибыло почти 11500 хозяйств (около 75 % к намеченному плану), в том числе 10 тысяч плановых, т. е. имеющих на руках переселенческие билеты. Прибывшие были размещены в 1450 колхозах [26, л. 3; 23, л. 13].

Прием и обустройство переселенцев требовали решения типичных проблем: обеспечение жильем, скотом, продуктами питания, посевным материалом, промтоварами. В их решении были заинтересованы все субъекты: государство, колхозы, сами мигранты. Без сочетания их усилий кампания не могла быть успешной. По итогам 1940 г. для переселенцев в Челябинской области было отпущено 10 млн руб. бюджетных средств, 33 млн руб. сельскохозяйственного кредита, 125 тыс. фустметров древесины, 260 тонн гвоздей, 60 вагонов оконного стекла и многое другое [26, л. 3]. Помимо этого колхозы, принявшие переселенцев, получали льготы и скидки по натуральным поставкам и денежным платежам государству.

На усиление участия колхозов было нацелено постановление ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1940 г., в котором одобрялась инициатива колхозов Новосибирской области. Бюро Челябинского обкома партии предложило районным властям разъяснять и использовать почин сибиряков с тем, чтобы колхозы своими силами строили и приспособляли дома с надворными постройками для приема переселенцев, помогали им в обзаведении скотом в пределах Устава сельхозартели [29, л. 3]. Во исполнение властных директив проводились общие собрания колхозников, протоколы которых велись по стандартной форме, где излагалась программа предстоящих действий: сколько принимается семей переселенцев; сколько и каких домов для них колхоз будет строить, покупать, ремонтировать; какие расходы по устройству переселенцев и объем трудозатрат колхоз берет на себя; сколько будет выдано голов скота с колхозных ферм; какие продукты будут выданы на руки или направлены на общественное питание и т. д. [30, л. 37]. Во многих протоколах количественные показатели остались незаполненными.

Там, где усилия государственных органов и колхозов соединялись, адаптация вселившихся шла быстрее, их включение в колхозное производство давало хорошие результаты. К примеру, на областном совещании отмечалось, что в Укянском районе все переселенцы получили приуса-

дебные участки, размещены в отремонтированных домах, 70 % прибывших обеспечены коровами, колхозы оказывают продовольственную помощь, поэтому в районе нет «обратничества», «...а наоборот, люди приезжают сверх плана» [26, л. 8]. Конечно, так было далеко не везде. По данным 59 районов, число выбывших к числу прибывших в 1940 г. составило 22,9 % [31, л. 140]. По данным 28 районов (по состоянию на 1 июля 1947 г.), прибыло в 1939–1941 гг. 8800 хозяйств, а выбыло 1375 хозяйств, или 15,6 % [32, л. 1].

Поскольку «обратничество» приобретало массовый характер, и тем самым кампания планового переселения дискредитировалась, Переселенческое Управление давало задания своим отделам на местах вести учет выбывших переселенцев, выявлять причины и принимать меры к их устранению [25, л. 17]. Причины оказались разными: от абсолютной нищеты до отсутствия школы для русскоязычных учеников или неподходящего климата. Наиболее частым комплексным мотивом для отъезда служила материально-бытовая необеспеченность, отсутствие помощи со стороны колхоза, грубость и самоуправство председателей колхозов, недружелюбное, а то и враждебное, отношение старожилов. Один из примеров, попавших в докладную записку в феврале 1941 г.: семья коммуниста Аношина «устроена» в колхозе «Красный Урал». «Отведена этой семье на 8 человек (6 детей) квартира, принадлежащая находящемуся в РККА колхознику, в 13 кв. м., без русской печи...В квартире холод, чад, смрад, никакой мебели, на всю семью 2 пары пимов, дети не учатся. Колхоз до сих пор не получил кредита на корову для этого колхозника...Задерживает его в этом колхозе только партийная дисциплина и бедность, иначе и он бы давно от таких условий уехал» [33, л. 78–79].

В областной Переселенческий отдел в 1940–1941 гг. поступало в среднем по 15 жалоб за день, не считая заявлений, с которыми приходили целые делегации из колхозов [34, л. 7]. Отдел не располагал особыми полномочиями и вряд ли мог оказать просителям действенную помощь. В лучшем случае сотрудники отдела в свою очередь направляли просьбу в райисполком дать распоряжение колхозу помочь человеку в его нуждах. Одной из постоянных обязанностей отдела стал учет и уничтожение по акту сданных переселенческих билетов.

В годы войны аграрное переселение на Урал не проводилось, хотя инерция приема подъезжавших какое-то время сохранялась. Переселенческий отдел был преобразован в отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения, в котором действовал переселенческий сектор в составе заведующего и двух инспекторов. По сведениям на начало 1942 г., в область в течение 1940–1941 гг. было вселено 10640 хозяйств колхозников. Из них не обеспечено домами 2086, коровами – 1172.

Продовольственной ссуды в 1941 г. выдано 8275 тонн, денежной ссуды в 1942 г. выдано 2912,7 тыс. руб. [35, л. 44–45]. Поскольку доустройство семей не выполнялось и их переселенческий статус потерял былое значение, они самовольно покидали колхозы вселения.

31 марта 1943 г. вышло постановление СНК РСФСР № 303 о плане переходящего строительства и хозяйственного устройства переселенцев на 1943 г., в соответствии с которым в Челябинской области предусматривалось доустройство 1201 хозяйства переселенцев прошлых лет. Для строительства жилья, хозяйственного обустройства намечалось направить из госбюджета 2330 тыс. руб., колхозных средств 913,0 тыс. руб. Ради сокращения расходов было рекомендовано внедрить в практику строительство простейших типов домов (саманных, глинолитных и т. п.) [36, л. 6, 7, 70]. Вопросы доустройства переселенцев были взяты под контроль областными властями. В 1943–1944 гг. облисполком неоднократно принимал решения, акцентируя внимание на помощи семьям фронтовиков [37, л. 9, 27; 38, л. 5, 20].

В 1947 г. была проведена повсеместная проверка наличия плановых переселенцев 1939–1941 гг. В Челябинской области их оказалось 1845 хозяйств (6743 человека, в том числе 3411 трудоспособных). Своих домов по-прежнему не имели 200 семей, коров – 170 хозяйств [32, л. 1].

Выводы

Анализ изученных материалов позволяет утверждать, что инициированное советской властью добровольное плановое сельскохозяйственное переселение было объективно необходимым мероприятием в конкретно-исторических условиях рубежа 1930–1940-х гг. Направление переселенцев в Челябинскую область диктовалось острым дефицитом рабочей силы в южноуральских колхозах. Государство выделило области значительные материально-финансовые средства, предоставило переселенцам и принимающим колхозам серьезные льготы. Возможности оказания помощи вселяемым переселенцам со стороны колхозов были разными и зависели от экономической устойчивости артелей. Миграционное поведение вселяемых также было различным. Большой проблемой на протяжении всего рассматриваемого периода стало «обратничество». В 1943–1945 гг. проводилось доустройство переселенцев довоенного времени.

Литература

1. Моисеенко, В. М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления / В. М. Моисеенко. – М.: Мысль, 1985. – 118 с.

2. Платунов, Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.) / Н. И. Платунов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. – 283 с.

3. Fitzpatrick, S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization / S. Fitzpatrick. New York: Oxford University Press, 1994. – 386 p.

4. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е года: деревня / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 422 с.

5. Kessler, G. The passport system and State control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 / G. Kessler // Cahiers du Monde russe, 2001. – P. 477–504.

6. Занданова, Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов / Л. В. Занданова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2007. – № 1. – С. 27–45.

7. Бережнова, М. Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты / М. Л. Бережнова // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4 - 2. – С. 7–16.

8. Ovcharova, M. A. Oral History Sources in the Study of Agricultural Migrations of the Mordvins and Formation of Settlements in the Eastern Part of Siberia in the 1930s – 1940s / M. A. Ovcharova // Historical Courier. – 2020. – № 5 (13). – P. 70–82. – URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-06.Pdf>.

9. Чернышева, Н. В. Плановые сельскохозяйственные переселения жителей Кировской области во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. / Н. В. Чернышева, К. А. Чернышев // Вестник гуманитарного образования. – 2019. – № 1 (13). – С. 21–26.

10. Gorbachev, O. «Broad Is My Land»: The Dimensions of Russian Migration / O. Gorbachev // Quastio Rossica. – 2016. – Vol. 4, № 3. – P. 268–281.

11. Gorbachev, O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations / O. Gorbachev // Quastio Rossica. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 240–248.

12. Siegelbaum, L. H. Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century / L. H. Siegelbaum, L. P. Moch. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 2014. – 421 p.

13. Баранов, Е. Ю. Миграции населения на Урале в XX в.: проблемы современной историографии / Е. Ю. Баранов // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 11–28.

14. Молощенков, А. Н. Политика советского правительства и переселение украинцев на Южный Урал в 30-е гг. XX века / А. Н. Молощенков // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 3 (15). – С. 105–107.

15. Мотревич, В. П. Плановое сельскохозяйственное переселение на Урал в 1920 – 1950-е гг. /

В. П. Мотревич // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 9 (101). – С. 32–33.

16. Мотревич, В. П. Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны / В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Альфа Принт, 2021. – 700 с.

17. Корнилов, Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 48–57.

18. Каменских, М. С. Переселенческая политика и личные стратегии переселенцев на Урале в 1928–1930 гг. / М. С. Каменских // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : сборник статей IX Уральского демографического форума : в 2 т. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. – Т. II. – С. 140–149.

19. Нефедов, С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С. А. Нефедов. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 283 с.

20. Воробьева, О. Д. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2016. – 192 с.

21. Челябинская область. 1917–1945 гг. Сбор-

ник документов и материалов ; под ред. проф. П. Г. Агарышева. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. – 304 с.

22. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1980). Т. 7. 1938–1945. – 9-е изд., доп. и испр.– М. : Политиздат, 1985. – 574 с.

23. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 23.

24. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 384.

25. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 2.

26. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 20.

27. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 28.

28. Базаров, А. А. Хроника колхозного рабства / А. А. Базаров. – М. : Возвращение, 2004. – 814 с.

29. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 360.

30. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 27.

31. ОГАЧО. – Ф. П-288. – Оп. 3. – Д. 497.

32. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 203.

33. ОГАЧО. – Ф. П-297. – Оп. 2. – Д. 642.

34. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 83.

35. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 58.

36. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 145.

37. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 148.

38. ОГАЧО. – Ф. Р-1142. – Оп. 1. – Д. 165.

Лымарев Александр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (Челябинск), e-mail: limarev_muz@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9588-5344

Палецких Надежда Петровна – доктор исторических наук, доцент (Челябинск), e-mail: palecnad@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5073-7914

Поступила в редакцию 12 декабря 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh230205

PLANNED AGRICULTURAL RESETTLEMENT IN THE CHELYABINSK REGION BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. N. Lymarev¹, N. P. Paletskikh²

¹United State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russian Federation

²Chelyabinsk, Russian Federation

Based on materials from the Chelyabinsk region, for the first time in regional historiography, this article attempts to study the planned agricultural resettlement in 1939–1945. The study was based mainly archive materials stored in the United State Archive of the Chelyabinsk Region. In accordance with the hypothesis of Soviet society as a society of a mobilization type, the authors consider the development and implementation of a model of planned agrarian migration of the population as an integral part of the mobilization processes in the Soviet Union on the eve of the Great Patriotic War. The model of agricultural resettlement itself is seen as ensuring the viability and development of Soviet civilization. The topic is revealed through state policy measures, collective farm support and migratory behavior of migrant peasants. The study of regulatory, directive, office work, accounting and statistical documents, ego-materials enabled the dynamics of migration flows over

the years to be established. The problems faced by the migrants were shown and individual migration trajectories identified.

The study also drew a main conclusion: voluntary planned agricultural resettlement initiated by the Soviet authorities was an objectively necessary event in the specific historical conditions of the turn of the 1930s–1940s. The direction of immigrants to the Chelyabinsk region was dictated by an acute shortage of labor in the South Ural collective farms. The state allocated significant material and financial resources to the oblast, provided the settlers and host collective farms with serious benefits. A key problem throughout the entire period under review was «reversal». In 1943–1945 the settlement of pre-war settlers was carried out

Keywords: population migration, planned agricultural resettlement, collective farmers-settlers, Chelyabinsk region, Great Patriotic War.

References

1. Moiseenko V.M. Territorial'noe dvizhenie naseleniya. Kharakteristika i problemy upravleniya [Territorial Movement of the Population. Characteristics and Problems of Management]. M., 1985. 118 s.
2. Platonov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.) [Migration Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – June 1941)]. Tomsk, 1976. 283 s.
3. Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. 386 p.
4. Fitzpatrick S. Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e goda: derevnya [Stalinist Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30s: Village]. M., 2001. 422 s.
5. Kessler G. The Passport System and State Control Over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. Cahiers du Monde russe. 2001. P. 477–504.
6. Zandanova L.V. Osnovnye etapy skladyvaniya sovetskoy pere-selencheskoy politiki i formirovaniya pereselencheskikh organov [The Main Stages in the Formation of the Soviet Resettlement Policy and the Formation of Resettlement Bodies] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2007. № 1. S. 27–45.
7. Berezhnova M.L. Gosudarstvennaya programma pereseleniy v vostochnye rayony SSSR 1939–1942 gg.: etnograficheskie aspekty [State Program of Resettlement in the Eastern Regions of the USSR 1939–1942: Ethnographic Aspects] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. № 4 - 2. S. 7–16.
8. Ovcharova M.A. Oral History Sources in the Study of Agricultural Migrations of the Mordvins and Formation of Settlements in the Eastern Part of Siberia in the 1930s – 1940s // *Istoricheskiy kur'er*. 2020. № 5 (13). S. 70–82. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-06.Pdf>.
9. Chernysheva N.V., Chernyshev K.A. Planovye sel'skokhozyay-stvennye pereseleniya zhiteley Kirovskoy oblasti vo vtoroy polovine 1930-kh – nachale 1940-kh gg. [Planned Agricultural Resettlement of Residents of the Kirov Region in the Second Half of the 1930s – Early 1940s.] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2019. № 1(13). S. 21–26.
10. Gorbachev O. «Broad Is My Land»: The Dimensions of Russian Migration] // *Quaestio Rossica*. 2016. Vol. 4, № 3. P. 268–281.
11. Gorbachev O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations // *Quaestio Rossica*. 2018. Vol. 6, № 1. P. 240–248.
12. Siegelbaum L.H., Moch L.P. Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca. Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.
13. Baranov E.Y. Migratsii naseleniya na Urale v XX v.: problemy sovremennoy istoriografii [Population Migrations in the Urals in the 20th Century: Problems of Modern Historiography] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2019. № 11. S. 11–28.
14. Moloshchenkov A.N. Politika sovetskogo pravitel'stva i pereselenie ukraintsev na Yuzhnyy Ural v 30-e gg. XX veka [The Policy of the Soviet Government and the Resettlement of Ukrainians to the South Urals in the 30s. XX Century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2011. № 3(15). S. 105–107.
15. Motrevich V.P. Planovoe sel'skokhozyaystvennoe pereselenie na Ural v 1920–1950-e gg. [Planned Agricultural Migration to the Urals in the 1920s – 1950s.] // *Agrarnyy vestnik Urala*. 2012. № 9 (101). S. 32–33.
16. Motrevich V.P. Vklad v Pobedu: sel'skoe khozyaystvo Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, 2021. 700 s.
17. Kornilov G.E. Migratsionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoy polovine XX v. [Migration Movement and the Formation of the Population of the Urals in the First Half of the 20th Century] // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2012. № 2 (35). S. 48–57.

18. Kamenskikh M.S. Pereselencheskaya politika i lichnye strategii pereselentsev na Urale v 1928–1930 gg. [Migration Policy and Personal Strategies of Settlers in the Urals in 1928–1930] // *Demograficheskaya i semeynaya politika v kontekste tseyey ustoychivogo razvitiya: sbornik statey IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2 t. T. II. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2018. S. 140–149.*
19. Nefedov S.A. Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii [Agrarian and Demographic Results of Stalinist Collectivization]: monografiya. Tambov, 2013. 283 s.
20. Vorob'eva O.D., Rybakovskiy L.L., Rybakovskiy O.L. Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. M., 2016. 192 s.
21. Chelyabinskaya oblast'. 1917–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Collection of Documents and Materials]; pod red. prof. P.G. Agarysheva. Chelyabinsk, 1998. 304 s.
22. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyu-tsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1980) [The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1980)]. T. 7. 1938–1945. 9-e izd., dop. i ispr. M., 1985. 574 s.
23. Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F.R-1142. Op.1. D. 23.
24. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 384.
25. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 2.
26. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 20.
27. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 28.
28. Bazarov A.A. Khronika kolkhoznogo rabstva [Chronicle of Collective Farm Slavery]. M., 2004. 814 s.
29. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 360.
30. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op.1. D. 27.
31. OGACHO [USACR]. F. P-288. Op. 3. D. 497.
32. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op.1. D. 203.
33. OGACHO [USACR]. F. P-297. Op.2. D. 642.
34. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 83.
35. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 58.
36. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 145.
37. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 148.
38. OGACHO [USACR]. F. R-1142. Op. 1. D. 165.

Aleksandr N. Lymarev – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Publication and Scientific Use of Documents, United State Archive of the Chelyabinsk Region (Chelyabinsk), e-mail: n.kyakkinen-56@yandex.ru

Nadezhda P. Paletskikh – D. Sc. (History), Independent Researcher (Chelyabinsk), e-mail: pale-nad@mail.ru

Received December 12, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лымарев, А. Н. Плановое сельскохозяйственное переселение в Челябинскую область накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Лымарев, Н. П. Палецких // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 38–46. DOI: 10.14529/ssh230205

FOR CITATION

Lymarev A. N., Paletskikh N. P. Planned Agricultural Resettlement in the Chelyabinsk Region before and during the Great Patriotic War. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 38–46. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230205
